

ОДНОЙ МАКРОЭКОНОМИКОЙ СЫТ НЕ БУДЕШЬ!

Октай МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

Автор выдвигает и обосновывает концепцию, согласно которой объективное развитие современной экономики придало фундаментальный статус противостоянию ее «микро» и «макро» состояний, представляющих разнонаправленные тенденции динамики национальной хозяйственной системы. Далеким от экономики может показаться, что это – частный вопрос, а оказалось, что без учета сложных коллизий, возникающих между этими двумя уровнями построения национальной экономики, сегодня невозможно не только ускорить экономический рост, но и повысить социальную эффективность производства. Отсюда следует, что в настоящее время необходимо наполнить характеристики микро- и макроэкономики политико-экономическим содержанием, выйти за границы навязываемых позитивизмом очевидностей. Более того, сведение микро- и макроэкономики только к разделам экономического образования фактически маскирует реально существующее, но до сих пор не привлечшее внимания экономистов противоречие между микро- и макроэкономическими состояниями, микро- и макроэкономическими сферами национальной системы хозяйства. Автор приходит к выводу, что представление о микро- и макроэкономике лишь как о разделах учебного курса по экономике давно превратилось в примитивизацию противоречивого взаимодействия названных элементов реальной экономики, в препятствие для его исследования. Ныне же необходима иная, предметная интерпретация различия микро- и макроэкономики – как объективно обусловленного противоречия между двумя «полюсами» организации общественного производства и представляющими их интересы экономических субъектов. Концептуальная постановка проблемы в статье сводится к доказательству следующих тезисов:

1. Микро- и макроэкономика – два крайних (и потому противоречивых) состояния организации национальной экономики.
2. Макроэкономика возникает как естественный результат эволюционного развития экономики, исторически вырастая по мере превращения «производства» в «экономику».
3. В отличие от микроэкономики, макроэкономика ведет двойственное существование: как органическая система она имеет «встроенные стабилизаторы», обеспечивающие ей стихийную сбалансированность, а как управленческая структура приобретает институциональную природу.
4. Микроэкономика представляет собой сферу самовозникающего (и потому самоорганизуемого, а потому и стихийно-функционирующего) производства, подчиняющуюся императивам конкуренции, выгоды и конъюнктуры.

5. Микроэкономика образует материальную основу жизнедеятельности гражданского (неформального) общества; в противоположность чему макроэкономика образует материальную основу жизнедеятельности государства.

6. Необходимость дифференциации национальной экономики на микро- и макроэкономику вовсе не означает их равной актуальности.

7. Микроэкономика – та часть экономики, за счет которой кормится народ, самозанятое население, мелкий и средний бизнес; макроэкономика – та часть экономики, которая удовлетворяет общественные потребности, попутно подкармливая государство и чиновничью элиту.

Ключевые слова: микроэкономика как самоорганизуемая сфера национальной экономики; противоречие между микро- и макроэкономикой; формирование российской микроэкономики – условие развития в стране полноценной рыночной экономики

MACROECONOMICS ALONE IS NOT ENOUGH!

Oktay MAMEDOV,

Doct. Econ. (DSc), Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

The author puts forward and justifies the concept of the modern economy's objective development which call attention to a confrontation of its «micro» and «macro» levels. It may seem to non-economists to be a private matter; however, neglecting the complex conflicts that arise between these two levels of the national economy, it is impossible not only to accelerate economic growth, but also to increase the social efficiency of production. From this perspective, it follows that it is necessary today to fill the characteristics of micro- and macroeconomics with political and economic content, to go beyond the limits of the obviousness imposed by positivism. Moreover, the reduction of micro- and macroeconomics only to sections of economic education actually masks the sharp, but still not emphasized by the economists, contradiction between the micro- and macroeconomic spheres of the national economic system. The author concludes that the idea of micro- and macroeconomics only as sections of the training course on economics has long turned into a primitivization of the real economy. The statement of the problem in the article involves justification of the following theses:

1. Micro- and macroeconomics –are two extreme (and therefore – contradictory) modes of organization of the national economy.

2. Microeconomics emerges as a «natural» result of the evolutionary development of the economy, historically growing as the transformation of «production»– into «economy».

3. Unlike microeconomics, macroeconomics' existence is dualistic: as an organic system, it has «built-in stabilizers» which provide it with an spontaneous balance.

4. Microeconomics represents the sphere of self-arising (and therefore self-organized, and spontaneously-functioning) production, being subject to the imperatives of competition, benefits and conjuncture.

5. Microeconomics forms the material basis of the vital activity of the civil (informal) society; in contrast, macroeconomics forms the material basis of the vital activity of the state.

6. *The need to differentiate the national economy into micro- and macroeconomics does not mean their equal relevance.*

7. *Microeconomics is a part of the economy, through which the people are fed, the self-employed population, small and medium business; macroeconomics is a part of the economy that meets public needs, and through which the state and bureaucratic elite are fed.*

Keywords: *microeconomics as a self-organized sphere of national economy; contradiction between micro- and macroeconomics; microeconomics in Russia; market economy*

JEL classifications: *A11, A2, B41*

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ: «МИКРО» – ВАЖНЕЕ «МАКРО»?

19 октября 2012 г. авторитетный американский еженедельник «Экономист» печатает статью с сенсационным названием «Золотой век микро» (с не менее знаменательным подзаголовком «Почему микроэкономисты получают призы, а над их макроколлегами смеются?») (см.: *The Economist*, 2012).

Статья оказалась пророческой, после нее все нобелевские премии доставались только представителям микроэкономического подхода: Элвину Роту и Ллойд Шепли – «за теорию устойчивых распределений и практику рыночного конструирования» (2012); Юджину Ф. Фаму, Ларсу Питеру Хансену и Роберту Шиллеру – «за эмпирический анализ цен на активы» (2013); Жану Тиролю – «за анализ рыночной власти и регулирования» (2014); Ангусу Дитону – «за анализ потребления, бедности и благосостояния» (2015); Оливеру Харту и Бенгту Хольмстрёму – «за вклад в теорию контрактов» (2016); Ричарду Х. Талеру – «за вклад в развитие поведенческой экономики» (2017)¹.

Общий смысл достижений лауреатов сводился к одному – принудить единичных агентов производства действовать микроэкономическими инструментами во имя макроэкономических целей. А поскольку звание лауреата по экономике выписывается Шведским государственным банком, для которого вся экономика сводится к доходному размещению финансовых активов, то и экономическая наука – в ее «бомондном» антураже – также стала походить на придумывание финансовых «приманок» для массового бенефициария.

Невидимая конкуренция между микро- и макроэкономикой, длившаяся более двух веков, завершается победой микроэкономики. Правда, пока еще теоретической, в рамках экономической науки, о чем свидетельствуют лидирующие позиции институционализма и поведенческой экономики, сосредоточившихся на управлении поведением микроэкономических субъектов. Однако теоретическая победа еще не означает победы в экономической реальности. Здесь позиции микроэкономики оказались гораздо слабее.

*

Объективное развитие современной экономики придало фундаментальный статус противостоянию ее «микро» и «макро» состояний, представляющих разнонаправленные тенденции динамики национальной хозяйственной системы. Далеким от экономики может показаться, что это – частный вопрос, а оказалось, что без учета сложных коллизий, возникающих между этими двумя уровнями построения национальной экономики, сегодня невозможно не только ускорить экономический рост, но и повысить социальную эффективность производства. А поскольку определяющими факторами

¹ См.: AllNobelPrizes (<https://www.nobelprize.org>).

экономического и социального роста страны становится креативность на основе инклюзивности, то социальная эффективность национальной экономики делается условием ее глобальной конкурентоспособности. Из этого следует, что сегодня необходимо наполнить характеристики микро- и макроэкономики политико-экономическим содержанием, выйти за границы навязываемых позитивизмом очевидностей (ограниченность ресурсов, издержки производства, потребительское равновесие и прочие, лежащие на поверхности, премудрости).

*

Практически все учебники по экономике буднично и скороговоркой констатируют: «современная экономическая теория делится на два раздела – микроэкономiku и макроэкономiku» (*Гальперин, Игнатъев, Моргунов, 2004*). Получается, что на «микро» и «макро» делится не сама экономика, а ее доказательная концепция, известная как «экономическая теория». Неудивительно, что авторы учебника приходят к дидактическому выводу: «оба раздела экономической теории одинаково важны для экономического образования».

Однако сведение микро- и макроэкономики только к разделам экономического образования, только к его составным частям, исключительно к двум различным подходам в рамках господствующей экономической теории (экономикс), фактически маскирует реально существующее, но до сих пор не привлечшее внимания экономистов противоречие между микро- и макроэкономическими состояниями, микро- и макроэкономическими сферами национальной системы хозяйства. По нашему же мнению, представление о микро- и макроэкономике лишь как о разделах учебного курса по экономике, только как о логически обособляемых частях этого курса, – такое представление уже давно превратилось в примитивизацию противоречивого взаимодействия названных элементов реальной экономики, т.е. в препятствие для его исследования.

Сегодня необходима иная, предметная интерпретация различения микро- и макроэкономики – как объективно обусловленного противоречия между двумя «полюсами» организации общественного производства и представляющими их интересы экономических субъектов. В этой связи то, что многие годы считалось только методическим приемом удачной группировки учебного материала, обнаруживает иное качество, оформляясь в реальное противоречие строения реальной экономики и только потому – в особый объект экономического познания. Трансформация микро- и макроэкономики в реально существующие структурные элементы развитой рыночной системы должна способствовать существенному продвижению и экономической теории, и хозяйственной практики.

*

Концептуальная постановка проблемы в рассматриваемом случае сводится к выдвиганию следующих тезисов:

1. Микро- и макроэкономика – два крайних (и потому противоречивых) состояния организации национальной экономики.

2. Микроэкономика возникает как естественный результат эволюционного развития экономики, исторически вырастая по мере превращения «производства» в «экономику».

3. В отличие от микроэкономики, макроэкономика ведет двойственное существование: как органическая система она имеет «встроенные стабилизаторы», обеспечивающие ей стихийную сбалансированность (главным из этих «стабилизаторов» является экономический кризис, порождаемый нарушением открытого Карлом Марксом закона натурально-стоимостного воспроизводства двух подразделений общественного капитала), что не исключает возможности институциональной организации макроэкономики, имеющей целью выгодой упреждающих мер централизованного регулирования общественного производства компенсировать убытки стихийного движения микроэкономики.

4. Микроэкономика представляет сферу самовозникающего (и потому самоорганизующегося, а потому и стихийно-функционирующего) производства, подчиняюще-

юся императивам конкуренции, выгоды и конъюнктуры; напротив, макроэкономика представляет сферу институционально-организованного управления национальной экономикой, подчиняющуюся императивам планомерности, директивности, и потому тяготеющую к всеохватности.

5. Микроэкономика образует материальную основу жизнедеятельности гражданского (неформального) общества; в противоположность этому макроэкономика образует материальную основу жизнедеятельности государства (как «центрально-командного» бюрократического аппарата общенационального уровня, специализирующегося на налоговом перераспределении доходов).

6. Необходимость дифференциации национальной экономики на микро- и макроэкономику вовсе не означает их равной актуальности: в разные исторические эпохи на передний план выходит то – микроэкономика, и тогда макроэкономика должна поумерить свой раж ее регулирования, то – макроэкономика, и тогда потесниться приходится уже микроэкономике.

7. Микроэкономика – та часть экономики, за счет которой кормится простой люд, народ, самозанятое население, мелкий и средний бизнес; макроэкономика – та часть экономики, которая удовлетворяет общественные потребности, попутно подкармливая государство и чиновничью элиту (иногда меняясь с ними местами).

МИКРОЭКОНОМИКА – ЭЛЕМЕНТАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Фундаментальным достижением современной экономической теории является открытие объективной необходимости двухуровневой организации национальной производственной системы: микроэкономической – на элементарном уровне, макроэкономической – на системном.

Теоретическая актуальность этого открытия, по нашему мнению, до сих пор недопонята самими экономистами, и потому недооценена практиками. Подобная ситуация «недопонятости-недооцененности» порождается игнорированием современным обществознанием категории «элемент», в противоположность естественнонаучному знанию, где эта категория приобрела выдающуюся гносеологическую значимость.

Поскольку «элемент» обозначает простейшую составную часть системы (сложного целого), то важно понять смысл «простейшего» как такого признака, который только и придает составной части статус «элемента».

Для процесса познания характеристика элемента как простейшей составной части предметной системы важна только в одном смысле – в смысле далее логически неразложимого, хотя в реальности дальнейшее разложение элемента уже на его собственные составные части, может быть, и возможно. Но в том-то и дело, что это дальнейшее структурирование теперь будет происходить за счет потери того качественного (предметного) состояния, которым оно наделяет свою простейшую составную часть, превращая ее этим в элемент данной системы. Другими словами, разложение (структурирование) элемента фактически есть переход к другому качественному состоянию изучаемого предмета. Так, между прочим, произошло в самой естественной науке – физике, когда в начале XX в., обнаружилось, что считавшиеся неделимыми атомы оказались... делимыми (на атомное ядро, электронную оболочку, протоны, нейтроны, электроны, изотопы, электронное облако, электронный слой). Но это уже означало переход физической реальности в иное состояние, требующее иной концепции, иной методологии, иного инструментария.

Та же опасность преследует и экономическую теорию, которая остается *общественной* наукой лишь до тех пор, пока она изучает *общественное* производство. Как только общественное качество изучаемых отношений исчезает, экономическая наука из общественной науки тотчас превращается в производственно-технологическую дисциплину, где главным являются не социальные процессы, а технологические

(именно поэтому внесоциальное «робинзонное хозяйство» никогда не превратится в «экономику»).

При таком подходе микроэкономика представляет в логической модели экономики ее простейший, элементарный уровень, поскольку проникновение вглубь микроэкономики означало бы утрату предметного качества экономики – социальности.

В субъектном аспекте элементарный характер микроэкономики представлен «первичным субъектом» – некой социальной единицей, реализующей функции простейшего (в смысле далее неразложимого) экономического субъекта. Но если исходить из того что «в современных условиях фактором экономического роста является сама структурная организация рыночной экономики», то это превращает, например, кластер «в особый образом организованный фрагмент рынка» (Думная, 2010, с. 8, 9). В рассматриваемом случае кластер становится специфическим субъектом микроэкономики – со своими особыми экономическими интересами, потребностями и противоречиями.

В концептуальной статье И.М. Рисованного «Эволюционная институциональная микроэкономика: размышления над книгой» автором справедливо резюмируется: «Переформулировка предпосылок поведенческих основ экономики с учетом институционального “дизайна” и динамики предпочтений и институтов – все это расширяет рамки предмета микроэкономики, делает более реалистичным понимание поведенческих структур в долгосрочной перспективе... Структура социальных взаимодействий в переходной экономике России близка к институциональной микроэкономике Боулза, но предпочтения экономических агентов во многом ориентируются (как ориентировались и прежде в условиях централизованно управляемой системы) и на принципы “ортодоксальной” микроэкономики. Этому способствуют многие факторы, в том числе недоверие к институтам современной власти, отсутствие реальной конкуренции в политической и экономической сферах жизни, традиционно слабая способность граждан к кооперации и коллективным действиям» (Рисованный, 2012). Эти выводы также характеризуют микроэкономику в социальном, а не сциентистском ракурсе.

И особо следует отметить политико-экономический подход к микроэкономике, предложенный Н.Я. Петраковым: «Рыночная экономика регулируется совокупностью процессов, происходящих на микроуровне. Любое экономическое, социальное и даже политическое решение должно доводиться до микроуровня. Но только рыночная конкуренция определяет возможность практической реализации этих решений, как бы хорошо они ни выглядели на макроуровне. Оптимизация процессов на микро- и макроуровнях ведет к созданию здоровой экономической системы... К сожалению, современная научная мысль России серьезно недорабатывает в исследовании микроэкономических тенденций» (Петраков, 2007, с. 5). Впрочем, и сегодня она не слишком перерабатывает в этом направлении.

И хотя экономикс всегда выделяет микроэкономический уровень общественного производства, он тяготеет не к экономической, а к технократической его трактовке, предпочитая сосредоточить микроэкономический анализ на изучении производственно-технологических процессов, выявляя корреляции во внесубъектных общепроизводственных зависимостях – между издержками производства и полученными результатами, ограниченностью ресурсов и муками выхода на границу производственных возможностей, точкой потребительского равновесия и бюджетной прямой.

Игнорирование главного героя микроэкономики – первичного экономического субъекта – сразу придает микроэкономическому анализу внесоциальное содержание, что подменяет экономический подход – технократическим.

«ВСЕЛЕННАЯ ЛИЧНОСТНОГО МАСШТАБА»

Микроэкономика – это экономическая мини-вселенная, в центре которой находится первичный экономический субъект, таланты и предпринимательские способности которого определяют основные характеристики его «личностной вселенной».

У элементарного уровня национальной экономики два регулятора – внутренний (микроэкономический) и внешний (макроэкономический).

Главным для микроэкономики является ее внутренний регулятор, поскольку доминирование макроэкономического регулятора уничтожило бы всякий смысл выделения микроэкономики в качестве особого уровня функционирования национальной экономики.

Границы микроэкономической вселенной индивидуальны, отражая индивидуальность каждого первичного экономического субъекта, и подвижны, охватывая совокупность параметров, установление значений которых – в рамках данной личностной микроэкономики – находится в исключительной компетенции первичного субъекта.

Суть устройства микроэкономического мира удачно сформулировал П.А. Столыпин: «Пусть каждый устраивается по-своему, и только тогда мы действительно поможем населению» (*Литература и жизнь, не датировано*). Это означает: как минимум – не мешать каждому устраиваться «по-своему», как максимум – помогать каждому в таком устройстве.

Но кто же этот таинственный «каждый»? Часто это индивид, не менее часто – семья, домохозяйство, микроколлектив, клан, даже община (задруга, махьяля), но в современных условиях это – кооператив, завод, больница, фабрика, школа, колледж, вуз, словом, любая экономически самостоятельная производственно-хозяйственная единица (первичный экономический субъект).

Уменьшение числа регулируемых первичным субъектом параметров означает сужение границ микроэкономики, рост же этого числа предполагает расширение границ микроэкономики. Доминирование того или иного вектора изменения границ микроэкономики определяется отчасти объективными причинами, отчасти – субъективными приоритетами проводимой макроэкономической политикой государства.

В число регулируемых первичным субъектом параметров входят: свободное установление цены на производимые в микроэкономике товары и услуги; свободный выбор поставщиков производительных ресурсов; свободный выбор посредников в реализации произведенной товарной продукции и услугах; свободный выбор используемой в процессе производства технологии; свободный выбор пространственного размещения микроэкономики; свободный выбор режима организации производственной деятельности коллектива; свободный выбор юридической формы функционирования микроэкономики.

Ради названных выше свобод люди и уходят в микроэкономiku. Нарушение же этих свобод (или ее ограничение) означает умерщвление микроэкономики.

*

Какие же параметры не регулирует первичный субъект? Главный параметр, находящийся вне компетенции первичного субъекта микроэкономики, это размер и периодичность налогового обложения доходов микроэкономической хозяйственной единицы. Внезапное изменение условий налогового обложения бьет по бюджету первичного субъекта, вынуждая его пересматривать все ранее запланированные величины контролируемых им параметров. При этом следует учитывать, что государство всегда готово взять на себя регулирование практически всех параметров микроэкономики, что означало бы ее полное исчезновение, вслед за исчезновением первичного субъекта экономики. Говоря словами П.А. Столыпина, макроэкономическое регулирование всегда склонно воспрепятствовать первичному субъекту в его очень важном для общества желании «устроиться по-своему» (разумеется, если это «по-своему» не противоречит основополагающим принципам экономики, права и нравственности). Отсюда следует, что макроэкономика – все то, что не подвластно первичному экономическому субъекту, все, что является в экономике над-личностным, все, что для микроэкономики представляет ее внешнюю, неуправляемую часть, олицетворяя в глазах первичного экономического субъекта экономическую стихию.

ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ МИКРО- И МАКРОЭКОНОМИКОЙ КАК СИСТЕМНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Современная рыночно развитая экономическая система буквально соткана из противоречий, которые рассеяны по всем ее сферам, отраслям и институтам. Неудивительно, что при таком множестве коллизий каждая отрасль экономического знания «обзавелась» собственной системой противоречий, выдавая основное противоречие в отраслевой системе противоречий за «основное экономическое противоречие» современной эпохи.

Между тем на роль основного противоречия современной рыночной экономики имеет все основания претендовать именно объективно обусловленное противостояние микро- и макроэкономики, проявления которого охватывают все грани современной экономики, придавая ему статус системного противоречия, поскольку оно простирается на всю базовую экономическую архитектуру общества.

1. Микроэкономика в национальной экономической системе представляет рудимент «классического рынка»: стихийно возникающий и постоянно меняющий свои границы социальный состав первичных субъектов микроэкономики адекватен не поддающемуся регулированию микрорынку; в противоположность этому, макроэкономика представляет в той же национальной системе хозяйствования «классический антирынок», поскольку государственное регулирование оправдано только в той мере, в какой оно преодолевает стихийность микрорынка; при таком подходе противоречие между микро- и макроэкономикой есть противоречие между стихийностью первичного (элементарного) уровня национального производства и упорядоченностью его вторичного (системного) уровня.

2. Микроэкономика в национальной экономической системе представляет неопределенность товарной номенклатуры производимой в ней продукции, тогда как макроэкономика представляет в той же системе преимущественно натуральный (внестойимой) состав общественно целесообразных благ; при таком подходе противоречие между микро- и макроэкономикой есть противоречие между товарностью и натуральностью двух секторов национальной экономики – рыночного и нерыночного.

3. Микроэкономика в национальной экономической системе представляет конкурентную инновационность, образующую условие жизнеспособности микроэкономического уровня производства, тогда как, в противоположность этому, макроэкономика представляет в той же национальной системе хозяйствования рациональный консерватизм, без которого макроэкономика не может приобрести долгосрочную устойчивость; при таком подходе противоречие между микро- и макроэкономикой есть противоречие между конкурентной инновационностью первичного уровня национального производства и необходимым консерватизмом его вторичного уровня.

4. Микроэкономика в национальной экономической системе представляет креативную индивидуальность первичного субъекта, образующую условие опережающего развития микроэкономического уровня производства, по сравнению с макроэкономическим, тогда как сама макроэкономика представляет в той же национальной системе хозяйствования универсальную зависимость от технологии предшествующей ступени производства, без которого макроэкономика не может иметь источник финансовой поддержки микроэкономической инновационности; при таком подходе противоречие между микро- и макроэкономикой есть противоречие между опережающей креативностью первичного уровня национального производства и универсальной стабильностью его вторичного уровня.

5. Микроэкономика в национальном производстве представляет простейший (т.е. далее неразложимый элемент) уровень общественной организации социального хозяйства, тогда как макроэкономика представляет в той же сфере системный уровень социального хозяйства, что придает макроэкономической модели форму реализации

общеэкономических законов; при таком подходе противоречие между микро- и макроэкономикой есть противоречие между спецификой элемента и качественной однородностью системы национального производства.

*

Отмеченные выше конкретные проявления противоречия между микро- и макроэкономикой свидетельствуют о теоретической правомерности и практической актуальности выдвижения названного противоречия на роль основного противоречия современной экономической системы, поскольку в совокупности они свидетельствуют о противоположности механизма возникновения и функционирования, источников динамики и форм организации первичного (элементарного) и системного (целостного) уровней производственной сферы современного общества. И это – такое противоречие, недооценка которого способна деформировать весь экономический базис общества.

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МИКРОЭКОНОМИКИ

Микроэкономика – последний бастион «классической рыночной экономики», все, что время сохранило от эпохи «свободного капитализма», именно здесь естественно господствуют самоорганизуемая конкуренция, свободное ценообразование и стихийное развитие предпринимательства. Отсюда следует важный вывод – чем большее место занимает микроэкономика в структуре национальной экономики, тем рыночнее (и потому свободнее) механизм реализации экономических процессов в данной системе национального хозяйствования.

Самостоятельной сложностью характеризуется и механизм взаимосвязи между микро- и макроэкономической эффективностью: эффективная микроэкономика не гарантирует эффективности макроэкономике, но и эффективная макроэкономика не гарантирует эффективности микроэкономике. И хотя у каждого уровня национальной экономики – своя судьба, свой вектор и свой механизм развития, – тем не менее эффективность макроэкономике не предопределяет эффективность микроэкономике, тогда как при неэффективной микроэкономике невозможна эффективная макроэкономика.

Микроэкономика представляет в национальном хозяйстве своего рода «экономику здравого смысла», то, что формирует и регулирует мелкое предпринимательство и все виды самозанятости. Это и есть конкретное выражение того, что экономисты невнятно понимают под «микроэкономикой».

В политико-экономическом аспекте микроэкономика всегда представляет не мелкое производство, а экономически-определенное мелкое *товарное* производство (мелкое и среднее частное индивидуальное предпринимательство) во всех его стихийно-ассоциированных формах.

Наконец, микроэкономика – естественное начало, основа макроэкономике и всей национальной экономики.

Самое же главное состоит в том, что национальное хозяйство не может быть сведено только к макроэкономике, что при отсутствии в ней микроэкономике национальное хозяйство невозможно. Тем не менее при определенных экстремальных действиях макроэкономике микроэкономический уровень может быть фактически уничтожен (см.: *StudFiles, 2015; Студопедия, 2014; Life-prog.ru, 2014; Konspekts.ru, не датировано*).

СУДЬБА И ЖИЗНЬ МИКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО МИРА

Деление национальной экономики на «макро-» и «микроэкономике» – объективный экономический закон, требующий равноправного присутствия в национальной экономике и микро-, и макроэкономической подсистем.

Поскольку экономическое пространство ограничено, микроэкономике может расширяться только за счет макроэкономике, а макроэкономике – за счет микроэкономике.

Микроэкономика имеет социально-значимую эффективность, макроэкономика – экономическую (производственно-хозяйственную) значимость.

В теоретической модели национальной экономики удельный вес микроэкономики – главный показатель либерализации макроэкономической системы: чем развитее сфера микроэкономики, тем выше степень фактической либерализации национальной экономической системы.

Особенно важно отметить, что микроэкономика – это экономика гражданского общества, системная основа реализации ценностей рыночного общества: демократии, либерализма, инновационности, креативности и инклюзивности.

Следует указать и на огромный социальный потенциал микроэкономики: все являются субъектами (участниками) микроэкономики, да не все – макроэкономики.

Микроэкономика (совокупность первичных экономических субъектов) всегда отражает социальную природу господствующей системы производственных отношений. До промышленного переворота XVIII в. человечество пребывало в границах «аграрной цивилизации», поэтому и «микроэкономика» аграрной цивилизации была на протяжении огромного исторического пространства практически неизменна, представляя крестьянское сословие, наделенное различной степенью экономической свободы. Сначала это были колонны – зависимые крестьяне в Римской империи и в Византии, сохранившиеся затем в варварских государствах. Колонны превратились в крепостных эпохи «классического феодализма» («вилланов»). Буржуазное развитие средневековых городов породило знаменитое «третье сословие», взорвавшее социальную конструкцию абсолютизма и насильственно перетавившее управившееся человечество в индустриальную цивилизацию. В этом новом, капиталистическом обществе подверглась капиталистической модификации и микроэкономика, которую с тех пор представляет класс мелких товаропроизводителей, класс индивидуальных предпринимателей, группа мелких бизнесменов (*Blackford, 2003; Carter & Jones-Evans, 2006; Hesselbach, 1976; Smallbone & Welter, 2008*).

Подобный же исторический путь прошел и русский микромир, отражавший все сложности экономического бытия аграрной страны (даже в 1913 г. горожане составляли лишь 14,2% от всего российского населения), – «земляне», «смерды», «пашенные люди», «крепостные», «помещичьи», «черносошные крестьяне», «половники», «крестьяне-общинники», «холопы», «испольщики», «горнозаводские», «посессионные», «непременные работники», «барщинные», «оброчные», «дворовые», «задельные», «однодворцы», «государственные крестьяне», «дворцовые», «удельные», «приписные», «монастырские», «экономические крестьяне», «вольные хлебопашцы», «обязанные крестьяне», «крестьяне-дарственники», «временнообязанные крестьяне», – как же многолика была микроэкономика крестьянской Руси! (см.: *Генеалогическое агентство... не датировано*). И именно эта микроэкономика породила из «оброчных», занимавшихся различными промыслами, торговлей, ремеслом, извозом, мануфактурой, – российское «третье сословие».

И все-таки по-настоящему российская микроэкономика так и не смогла сложиться из-за удушавших крестьян социальных объятий общины. Только в 1906 г. началась столыпинская реформа наделного землевладения, которая должна была разжать эти объятия, – крестьяне получали право свободно выходить из общины, без ограничений получать в собственность наделную землю, подушная подать и круговая порука были отменены, разрешен выход из крестьянской общины на хутора и отруба. Были сняты ограничения на свободу передвижения крестьян по всей территории страны вплоть до Дальнего Востока, разрешены семейные разделы. Однако землевладельцы, опасаясь потери привилегий, всячески препятствовали проведению реформы. В результате она так и не была закончена (*Там же*).

Таким образом, российская экономика вплоть до Октября 1917 г. была деформирована противостоянием ее микроэкономического и макроэкономического уровней: народ кормился микроэкономикой, государство и высшие классы – макроэкономикой.

В Великую русскую революцию страна вступила с оформившейся макроэкономикой, но так и не сформировавшей микроэкономикой (см.: *Кравченко, 2017; Харлампиева, 2011; Муравьева, 2012; Улицкий и Холодова, 2015*).

Советский период характеризовался тотальным и всесферным давлением макроэкономики на микроэкономiku. Поскольку преследовалось любое предпринимательство, даже мелкое, даже – мельчайшее (включая сапожника-кустаря в его мастерской), то в советской экономике, изначально нацеленной на поддержку исключительно обобществленных форм производства, микроэкономика существовала в «подпольном» состоянии, в «дореволюционно-крестьянском» варианте. Никакое, даже зачаточное, частное предпринимательство не допускалось. В такой ситуации идеология и экономика вступали в антагонистический конфликт – макроэкономика была «социалистической», обслуживавшей потребности социалистического общества, а микроэкономика – «крепостной», обслуживавшей макроэкономiku. Народ по-прежнему кормился примитивной, полуподпольной микроэкономикой – сферой самоорганизуемого производства.

В постсоветский период рыночные принципы получили возможность более полной реализации. Тем не менее, несмотря на все официальные призывы поддержки мелко-частного предпринимательства, институционально-правовая организация микроэкономики остается самым архаичным элементом в общей системе российской национальной экономики. В практическом плане это означает, что для нас сегодня нет ничего важнее, чем возрождение микроэкономики, ее институционализация в самых развитых формах. И так же, как когда-то Ленин переходом к новой экономической политике пытался возродить именно микроэкономiku (самостоятельное мелкое крестьянское хозяйство как первичный экономический субъект постреволюционных лет), точно такие же попытки неоднократно предпринимались и позже (это и «косыгинская» реформа, и «щекинский» эксперимент, и «акчинский» опыт, и попытка внедрения реального хозрасчета). Но именно к этому направлению советская экономика была готова менее всего, усматривая в развитии микроэкономики покушение на макроэкономическое обобществление. И то сказать, радея денно и нощно об обобществлении производства, советская экономика преуспела только в одном – в нагромождении бюрократических этажей макроэкономического «левафана», раздавившего своей чиновной тяжестью еле-еле зачинавшуюся микроэкономiku. И быть может, отсутствие микроэкономики объяснялось тем, что у нас макроэкономика (как «социалистическое плановое хозяйство») выросла не из микроэкономики, а – самостоятельно, политическим зачатием, и хронологически – раньше «советской» микроэкономики, более того, сама указывая микроэкономике, какой ей быть.

В центрально-командной экономике микроэкономика «выращивается» под заботливым и ревнивым взором макроэкономики, и ровно в той мере, в какой это соответствует интересам макроэкономики, то есть – интересам центрально-командного чиновничества, не желающего делить экономические права с субъектами микроэкономики.

Фактически целый век в нашей стране макроэкономика играла с микроэкономикой, – то позволяя микроэкономическую самостоятельность, то отбирая эту возможность. В советский период, когда примитивно понимаемый «социализм» сводился к безоговорочному приоритету макроэкономики (и представляющему его «центру»), микроэкономика могла существовать только в «подполье», – в виде теневого предпринимательства, криминальный статус которого априорно признавался всей правовой системой социализма.

МАКРОЭКОНОМИКА – АНТИПОД МИКРОЭКОНОМИКИ

Макроэкономика – это национальная экономика как система отраслей, сфер и регионов, сбалансированность развития которых в стихийные времена достигалась через кризисы, а после Великой депрессии – целенаправленно, посредством экономической политики государства.

Способна ли макроэкономическая политика обеспечить сбалансированность отраслей, сфер и регионов народнохозяйственной системы? Конечно, нет, о чем свидетельствуют бесконечные кризисы, сопровождающие современную экономику всех стран мира, а в нашей стране – «иглы», на которые поочередно усаживалась отечественная экономика. Так что многие лишения, нужда, массовый голод и другие мытарства часто оказывались просчетами макроэкономического регулирования. Тем не менее национальные и глобальные институты неустанно работают над введением национальной экономики большинства стран в сбалансированные эконометрические параметры. Но поскольку в этой работе все время что-то упускается или не учитывается, основная доля усилий по сбалансированию национальной и мировой экономики по-прежнему сопровождается экономическими кризисами, хотя макроэкономические институты и приписывают себе в заслугу недопущение еще более разрушительных масштабов этих потрясений.

Экономика столь же сложна, сколь и необозримо число влияющих на нее факторов. Поэтому трудно оценить реальные достижения макроэкономических регуляторов – перераспределение инвестиций, назначение приоритетных отраслей, определение главных направлений, поддержка (часто перерастающая в принуждение) определенных форм производства, протекционизм внутри и вне страны, таргетирование, квотирование, регулирование и прочие элементы из арсенала макроэкономических уловок. Макроэкономисты пользуются этой сложностью, извлекая выгоды для своих оправдательных объяснений, почему все получилось не так, как задумывалось и как они обещали.

*

История национальной экономики – не всегда история ее макроэкономики, но всегда – история национальной микроэкономики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИКРОЭКОНОМИКИ

В 1900 г. Давид Гильберт выступил с докладом на Международном конгрессе математиков, в котором сформулировал 23 нерешенные проблемы математической науки тех лет (см.: *Clarance, 2013*). Решение этих проблем, как полагал Гильберт, сможет «приподнять завесу, за которой скрывается будущее». Семьдесят два года спустя Оскар Моргенштерн, черпая вдохновение из акции Гильберта, дал список из 13 проблем в экономике (*Morgenstern, 1972*).

Поучительные примеры этих двух выдающихся представителей различных сфер научного познания заслуживают всемерной поддержки, в частности, в области теории микроэкономики, а также конкретных выводов.

1. Единственный успех, который сопутствовал советскому обществу в сфере производства (причем превышающий объективную потребность в таком успехе), это – создание чиновного аппарата и инструментария в форме центрально-командного бюрократического института, основной «продукцией» коего являлось изготовление директив, само название которых заявляло о необходимости их неукоснительности исполнения.

2. Российской экономике жизненно необходима эффективная микроэкономика, сопровождаемая «микрореполитикой» и «микроидеологией». Городской характер цивилизации XXI в. подсказывает, что предстоит окончательное переселение микроэкономики в крупные городские агломерации, где уже давно обосновалась макроэкономика.

3. Среди приоритетных императивов становления эффективной национальной экономики особое место занимает императив оптимального соотношения (гармонии) между ее микро- и макроэкономическим уровнями².

² В этом отношении особого внимания заслуживает работа Алана Нельсона, посвященная сближению макро- и микроэкономических подходов, – см.: *Nelson, 1984*.

4. Доминирование, гипертрофия одного из названных уровней вызывают системную деформацию национальной экономики. И это особенно важно понимать в период, когда глобализация вынуждает все страны к конкуренции, в том числе и в аспекте гармонизации соотношения микро- и макроэкономики.

5. Микро- и макроэкономика специализируются на различных функциях общественного производства и воспроизводства. Это – не взаимозаменяемые функции: макроэкономике не под силу задачи, выполняемые микроэкономикой, а микроэкономике не дотянуться до задач макроэкономики. Макроэкономика не может заменить микроэкономiku, а микроэкономика не может заменить макроэкономiku. Конечно, макроэкономика может притвориться и выдать себя еще и за микроэкономiku. Но я бы этого не советовал: людям надо пить-есть, вообще жить – каждый день.

6. Нам, детям и внукам неудавшегося «социалистического эксперимента», трудно себе даже представить степень неприятия (а проще говоря, ненависти) пришедшими в Октябре 1917 г. к власти большевиками ко всему тому, что олицетворял собой царский режим. Он, действительно, к тому времени уже полностью износился и представлял архаичную экзотику. То же характеризует экономические взгляды большевиков: «Все граждане превращаются... в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката» (*Ленин, 1969, с. 101*). Вот и все представление об обобществлении производства. А каким иным оно может быть, если обобществление производства является не результатом естественного развития производительных сил, а продуктом политической экспроприации средств производства? Ненависть к рынку, к товарным отношениям, «идефикс» обобществления производства, упразднение всех его «досоциалистических» форм – это и есть упразднение микроэкономики. Теперь понятен один из истоков житейских лишений и страданий советских людей, так и не наевшихся за все годы советской власти. А ведь в креативную эпоху микроэкономика станет еще важнее, гораздо важнее макроэкономики, потому что креативная экономика построена на уважении и расцвете творческого потенциала личности. И то общество, которое не осознает историческую мощь этой тенденции, может проиграть свое будущее, а значит, и обесценить прошлое.

7. Сказать по правде, мы задолжали экономике по многим направлениям – по огосударствлению всех источников инвестирования, по неоправданному усложнению ситуации в экономике, по нежеланию слезть с «газонефтяной иглы», но особенно – по недооценке социальной и экономической значимости развития микроэкономики. Но макроэкономика без микроэкономики не бывает.

Так не пора ли, по всем этим и другим причинам, повернуться лицом к микроэкономике, – даже если для этого придется несколько поумерить 100-летнюю традицию панмакроэкономизма?

*

Древневосточные деспотии основывались на приоритете макроэкономики как централизованного производства, древнегреческие республики – на приоритете микроэкономики, олицетворенном в экономически-самостоятельном первичном субъекте. Битва при Гавгамелах сохранила эллинскую микроэкономiku, то есть – экономический вектор развития производства: микроэкономика без макроэкономики – возможна, но макроэкономика без микроэкономики – нет.

Древний Рим был непобедим, пока микроэкономика преобладала над макроэкономикой, и пал, как только древнеримская империя, повторив путь «азиатского способа производства», раздавила императорской макроэкономикой остатки республиканской микроэкономики.

Средневековье оказалось периодом безраздельного господства микроэкономики, пока окрепший абсолютизм, отождествивший себя с государством, вновь не поставил макроэкономiku «надсмотрщиком» над микроэкономикой. С этого момента вся эко-

номическая история свелась к бесконечным попыткам микроэкономики освободиться от диктата макроэкономики. Освобождение растянулось на пять столетий, начало которому было положено Нидерландской буржуазной революцией XVI века, а завершение – Великой русской революцией начала XX века.

Сменивший Средневековые классический капитализм долгое время характеризовался сложным сосуществованием макро- и микроэкономики.

Ситуацию изменила Великая депрессия, и с того момента, как государственно-монополистический капитализм стал необратимой реальностью, с этого момента и микроэкономика оказалась «на побегушках» у макроэкономики, что в экономической теории было закреплено победой кейнсианства. И хотя такой статус противоречил основополагающим принципам экономического либерализма, традиционное («классическое») устройство рыночного общества в известной мере оберегает микроэкономику от ощутимого сокращения в интересах макроэкономики.

История дореволюционной российской экономики в особенных вариантах повторила все тенденции мирового экономического движения. Однако «победа социализма» обозначила полный разрыв с этими тенденциями и утверждение на длительный период безусловного приоритета макроэкономических принципов над микроэкономикой, с тех пор приносимой в жертву конъюнктурным целям макроэкономики. Возрождение самостоятельности микроэкономики по необходимости стало содержанием всей переходной экономической политики постсоветского периода.

История дореволюционной российской экономики в особенных вариантах повторила все тенденции мирового экономического движения. Однако «победа социализма» обозначила полный разрыв с этими тенденциями и утверждение на длительный период безусловного приоритета макроэкономических принципов над микроэкономикой, с тех пор приносимой в жертву конъюнктурным целям макроэкономики. Возрождение самостоятельности микроэкономики по необходимости стало содержанием всей переходной экономической политики постсоветского периода. **И осуществить такое возрождение тем легче, чем полнее будет реализован потенциал самоорганизации микроэкономики, которая максимально адаптируется даже к враждебной действительности (о чём свидетельствуют возникновение микропроизводства, микрокредитов, различных форм совместного микропотребления³).**

ЛИТЕРАТУРА

Гальперин, В. М., Игнатъев, С. М., Моргунов, В. И. (2004). Микроэкономика. В 2 т. СПб.: Институт «Экономическая школа».

Генеалогическое агентство «Семейный Архив» (не датировано). Русское крестьянство (<http://genealogy.su/archives/2487/1>).

Думная, Н. Н. (2010). Второе рождение микроэкономики: смена структур // *Мир новой экономики*, № 1.

Кравченко, Л. Н. (2017). Исторические аспекты формирования и развития малого предпринимательства в экономике России // *Белгородский экономический вестник*, № 2, с. 80–86.

Ленин, В. И. (1969). Государство и революция / В кн.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33. М.: Издательство политической литературы.

Литература и жизнь (не датировано). Речь П.А. Столыпина во II Государственной думе 10 мая 1907 г. (http://dugward.ru/library/stolypin/stolypin_rech_vo_2_gosdume_10marta1907.html).

Муравьева, Л. А. (2012). Российское предпринимательство в первой половине XIX века // *Финансы и кредит*, № 2, с. 71–81.

Петраков, Н. Я. (2007). Микроэкономика – фундамент современного рыночного хозяйства // *Микроэкономика*, № 5.

³ См., напр.: *Родовид*, 2017; *Armstrong*, 2013; *Kadoić & Kopic*, 2009.

Рисованный, И. М. (2012). Эволюционная институциональная микроэкономика: размышления над книгой // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, № 2.

Родовид (2017). *Sharing economy: как это работает*, 21 сентября (https://rodovid.me/ustoichivoe_razvitie/sharing-economy-kak-eto-rabotaet.html).

Студопедия (2014). Из истории микроэкономики (<http://studopedia.org/4-172531.html>).

Улицкий, М. П., Холодова, А. О. (2015). История развития малого и среднего предпринимательства в России // *Международный академический вестник*, № 4, с. 64–68.

Харлампиева, С. С. (2011). Развитие поддержки предпринимательства в России // *Экономический анализ: теория и практика*, № 46, с. 48–56.

Armstrong, A. (2013). The Burgeoning Micro-Production Revolution // *The Objective Standard*, February 5 (<https://www.theobjectivestandard.com/2013/02/the-burgeoning-micro-production-revolution/>).

Kadoić, N., and Kopic, M. (2009). Theory of Microcrediting in Transitional Economies // *Journal of Information and Organizational Sciences*, vol. 33, no. 1 (<https://jios.foi.hr/index.php/jios/article/view/84>).

Konspekts.ru (не датировано) История успеха микроэкономики (<http://konspekts.ru/ekonomik.../mikroekonomika/istoria-uspeha/>).

Life-prog.ru (2014). История возникновения микроэкономики (http://life-prog.ru/1_57900_predmet-mikroekonomiki-prinyatie-resheniy-sub-ektami-rinka-v-usloviyah-ekonomicheskogo-vibora-kontseptsiya-ekonomicheskogo-ratsionalizma-rol-tsen-v-razmeshchenii-resursov.html).

StudFiles (2015). Краткий очерк истории микроэкономики России (<https://studfiles.net/preview/3189277/>).

Blackford, M. G. (2003). *A History of Small Business in America*. The University of North Carolina Press, 232 p.

Carter, S. and Jones-Evans, D. (eds.) (2006). *Enterprise and Small Business: Principles, Practice and Policy*. Pearson Education, 572 p.

Clarence, D. (2013). What are the unsolved problems of microeconomics? // *Quora* (<https://www.quora.com/What-are-the-unsolved-problems-of-microeconomics>).

Hesselbach, W. (1976). *Public, Trade Union and Cooperative Enterprise in Germany: The Commonweal Idea*. Psychology Press, 158 p.

Morgenstern, O. (1972). Thirteen Critical Points in Contemporary Economic Theory // *Journal of Economic Literature*, vol. 10, issue 4, 1163–89.

Nelson, A. (1984). Some Issues Surrounding the Reduction of Macroeconomics to Microeconomics // *Philosophy of Science*, 51, no. 4 (<https://doi.org/10.1086/289206>).

Smallbone, D. and Welter, F. (2008). *Entrepreneurship and Small Business Development in Post-Socialist Economies*. Routledge, 288 p.

The Economist (2012). A golden age of micro: Why microeconomists are given prizes while their macro colleagues are mocked? October 19 (<https://www.economist.com/>).

REFERENCES

Armstrong, A. (2013). The Burgeoning Micro-Production Revolution. *The Objective Standard*, February 5 (<https://www.theobjectivestandard.com/2013/02/the-burgeoning-micro-production-revolution/>).

Blackford, M. G. (2003). *A History of Small Business in America*. The University of North Carolina Press, 232 p.

Carter, S. and Jones-Evans, D. (eds.) (2006). *Enterprise and Small Business: Principles, Practice and Policy*. Pearson Education, 572 p.

Clarence, D. (2013). What are the unsolved problems of microeconomics? *Quora* (<https://www.quora.com/What-are-the-unsolved-problems-of-microeconomics>).

Dumnaya, N. N. (2010). The second birth of microeconomics: the change of structures. *The world of a new economy*, 1. (In Russian.)

Galperin, V. M., Ignatiev, S. M. and Morgunov, V. I. (2004). Microeconomics. In 2 vols. St. Petersburg: Institute «Economic School» Publ. (In Russian.)

Genealogical agency «Family Archive» (undated). Russian peasants (<http://genealogy.su/archives/2487/1>). (In Russian.)

Hesselbach, W. (1976). Public, Trade Union and Cooperative Enterprise in Germany: The Commonweal Idea. Psychology Press, 158 p.

Kadoić, N., and Kopic, M. (2009). Theory of Microcrediting in Transitional Economies. *Journal of Information and Organizational Sciences*, vol. 33, no. 1 (<https://jios.foi.hr/index.php/jios/article/view/84>).

Kharlampieva, S. S. (2011). Development of support for entrepreneurship in Russia. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 46, 48–56. (In Russian.)

Konspekts.ru (undated). The success story of microeconomics (<http://konspekts.ru/ekonomik.../mikroekonomika/istoria-yspexa/>). (In Russian.)

Kravchenko, L. N. (2017). Historical Aspects of the Formation and Development of Small Business in the Russian Economy. *Belgorod Economic Journal*, 2, 80–86. (In Russian.)

Lenin, V. I. (1969). State and Revolution / In: V. I. Lenin. Collected works, vol. 33. Moscow: Publishing of political literature. (In Russian.)

Life-prog.ru (2014). The history of the emergence of microeconomics (http://life-prog.ru/1_57900_predmet-mikroekonomiki-prinyatie-resheniy-sub-ektami-rinka-v-usloviyah-ekonomicheskogo-vibora-kontseptsiya-ekonomicheskogo-ratsionalizma-rol-tsen-v-razmeshchenii-resursov.html). (In Russian.)

Literature and life (undated). Speech of P.A. Stolypin in the Second State Duma on May 10, 1907 (http://dugward.ru/library/stolypin/stolypin_rech_vo_2_gosdume_10marta1907.html). (In Russian.)

Morgenstern, O. (1972). Thirteen Critical Points in Contemporary Economic Theory. *Journal of Economic Literature*, vol. 10, issue 4, 1163–89.

Muraveva, L. A. (2012). Russian Entrepreneurship in the First Half of the 19th Century. *Finance and Credit*, 2, 71–81. (In Russian.)

Nelson, A. (1984). Some Issues Surrounding the Reduction of Macroeconomics to Microeconomics. *Philosophy of Science*, 51(4) (<https://doi.org/10.1086/289206>).

Petrakov, N. Ya. (2007). Microeconomics – the foundation of modern market economy. *Microeconomics*, 5. (In Russian.)

Risovannyi, I. M. (2012). Evolutionary institutional microeconomics: reflections on the book. *Bulletin of St. Petersburg University. Economy*, 2. (In Russian.)

Rodovid (2017). *Sharing economy: how it works*, September 21 (https://rodovid.me/ustoichivoe_razvitie/sharing-economy-kak-eto-rabotaet.html). (In Russian.)

Smallbone, D. and Welter, F. (2008). Entrepreneurship and Small Business Development in Post-Socialist Economies. Routledge, 288 p.

StudFiles (2015). A short essay on the history of microeconomics in Russia (<https://studfiles.net/preview/3189277/>). (In Russian.)

Studopedia (2014). The history of microeconomics (<http://studopedia.org/4-172531.html>). (In Russian.)

The Economist (2012). A golden age of micro: Why microeconomists are given prizes while their macro colleagues are mocked? October 19 (<https://www.economist.com/>).

Ulitsky, M. P. and Kholodova, A. O (2015). History of the development of small and medium-sized business in Russia. *International Academic Bulletin*, 4, 64–68. (In Russian.)